

БЕГЛЫЕ И СОСТОЯНИЕ ПАСПОРТНОГО РЕЖИМА В ДОРЕФОРМЕННОЙ САМАРЕ

По официальным данным, постоянное население в Самаре за 1830-е гг. выросло в полтора раза, превысив 13 тыс. чел., а к 1851 г. достигло 15 тыс. жителей. Но реальная его численность была на порядок выше. С весны до зимы в город и его округу стекалось на заработки около 100 тыс. человек, и даже зимой в Самаре оставалось с учетом пришлых не менее 25 тыс. обитателей¹.

В этой массе пришлого на время или фактически на постоянное проживание населения скрывались и беглые. Возможностей для их легального оседания в крае на землю в сельской местности практически не оставалось по мере того, как переселенческое движение оказывалось под контролем властей. Желание отдельных чиновников или управителей потакать беглым для достижения корыстных интересов пресекалось возросшей активностью местных помещиков, взявшими после реформ Екатерины II в свои руки уездную администрацию и полицию. С конца XVIII в. беглые, которых случалось схватить в селах Заволжья, были не из числа уже осевших здесь, а из тех, кто пробирался дальше на восток или юг по старинным «сиротским» дорогам и по Волге, а также из тех, кто просто разбойничал на этих путях².

Однако по-прежнему для беглых служили прикрытием традиционные волжские промыслы, судовые работы, сезонный сельскохозяйственный найм, растущие города. В газетах 1830–1840-х гг. постоянно публиковались объявления о задержанных в г. Самаре и других заволжских городах «бродягах» и «не помнящих родства» с описанием их примет. Как правило, это были мужчины самого рабочего возраста от 20 до 40 лет³. Розыск и поимка беглых вплоть до середины XIX в. оставались одной из главнейших задач полицейских служителей в Самаре⁴.

Более предусмотрительные из беглых старались обеспечить себя требуемыми по закону документами. Изготовление фальшивых паспортов превратилось в настоящее ремесло. За приемлемую плату городские и даже деревенские грамотеи сами предлагали желающим на «материале заказчика» – заранее припасенном листе гербовой бумаги написать необходимый документ и «заверить» его самодельной собственноручно вырезанной печатью. Пришедшую в ветхость фальшивку можно было со временем заменить официальной копией, заверенной в местных приставенных местах настоящими подписями реальных чиновников⁵.

Обладая упорством и найдя покровителей (по—родственному, а то и за плату), можно было не просто осесть в городе, а добиться житейского успеха. Показателен пример Федора Семеновича Плотникова, вдовьего сына из бугурусланских ясачных крестьян. Сбежав от рекрутчины из родных мест в Самару, он устроился у своего свойственника, самарского мещанина Антона Минаева, и сам записался в тамошнее мещанство. Оренбургская казенная палата в 1816 г. признала эту запись незаконной и указала вернуть Плотникова на прежнее место жительства. Того же добивался бугурусланский валовой мирской сход, не хотевший терять рекрутка и обращавшийся к самому высокому начальству. Делом Плотникова пришлось заниматься оренбургскому генерал—губернатору и симбирскому вице—губернатору. Они отдавали соответствующие распоряжения о возвращении беглеца, из которых ни одно так и не было исполнено⁶.

Четверть века спустя, будучи уже одним из самых состоятельных здешних купцов-хлеботорговцев, Ф.С.Плотников трижды избирался городским головой уездной и губернской Самары на 1841-43, 1847-49 и 1853-55 гг. Об авторитете Плотникова в самарской городской общине говорит тот факт, что при своем избрании в эту должность на второй срок он получил «избирательных 175, неизбирательных 10 баллов»⁷.

В показаниях многих беглых, задержанных в Самаре, постоянно упоминаются поборы со стороны чиновников суда и администрации. Как заявлял в 1846 г. на допросе беглый крепостной из Тамбовской губернии С.В.Мельников, «подобных ему бродят в городе Самаре проживает довольноное число и, как думает, более пятисот человек, единственно по слаблением полиции, ибо чины оной о всех их знают и берут с них окуп». Деньги с беглых брались, «глядя по состоянию» каждого. Так, сам Мельников, занимавшийся торговлей и содержанием постоянного двора, откупался в разное время то 12 золотыми полуимпериалами, то 700 рублями, то 12 возами сена⁸.

Симбирская губернская администрация встала на сторону самарских чиновников, заявив, что показания Мельникова и других беглых об их высокой численности в городе являются ложными, а о взятках — недоказанными. Такое заявление смотрелось не очень убедительно, но было принято более высоким начальством. Как показали дальнейшие события, и случаи потаски беглым в городе, и нежелание властей по настояющему расследовать подобные дела имели более глубокие причины, нежели одна чиновная корысть и бережение чести мундира.

6 декабря 1850 г. император Николай I подписал указ об образовании Самарской губернии, обнародованный 20 декабря. Указанная в нем дата 1 января 1851 г. стала днем начала существования новой губернии. В ее жизни обозначенная выше деликатная проблема проявилась до-

вольно скоро. Новый административный статус города и края, усиление органов власти и правопорядка входили в противоречие с исконной заволжской традицией приема и использования труда беглых.

Еще до подписания указа об образовании новой губернии некоторыми из первых ведомств, которые были оповещены о предстоящем административном преобразовании, стали военное министерство и корпус жандармов. Дежурный генерал Главного штаба 8 июня 1850 г. сообщил шефу жандармов о том, что должна быть сформирована особая жандармская команда, как только «будет сделано окончательное распоряжение об учреждении Самарской губернии и об открытии в Самаре присутственных мест». В рапорте от 11 сентября вопрос об открытии губернии и формировании для нее жандармской команды объявлялся окончательно решенным, что получило одобрение военного министра, распорядившегося 28 октября об усилении в Самаре не только жандармерии, но и гарнизонных войск. 27 декабря за три дня до официального открытия губернии в Самару прибыла жандармская команда штабс-капитана Малахеенко⁹. Происходил также рост численности полицейских чинов.

Все эти приготовления вызвали опасения у торгового люда, а также должностных лиц, ответственных за пополнение казны и хозяйственную жизнь края. Эти опасения озвучил лично министр внутренних дел Л.А.Перовский на третий месяц существования Самарской губернии, когда стала приближаться очередная волжская навигация. 29 марта 1851 г. он писал своему брату, оренбургскому и самарскому генерал-губернатору В.А.Перовскому: «В г. Самару ежегодно стекается для закупки хлеба, соли и других продуктов от 160 до 200 иногородных капиталистов, а черного народа для продажи тех продуктов и для работ по заготовлению запасов, хранению и отправлению с открытием навигации судов около 500 тыс. чел. и с ними до 600 тыс. лошадей». Министр прямо констатирует тот факт, что у пришлых людей, привыкших, что в Самаре документов во время навигации не спрашивают, паспортов не будет. Власти повысившего свой статус города обязаны будут требовать документы, задерживать беспаспортных, что приведет к вымогательствам и к подрыву местной торговли. При этом не получится и усиления борьбы с беглыми и беспаспортными, поскольку те и в качестве продавцов, и в качестве работников потянутся на другие заволжские пристани, где контроль будет менее жестким: Царевокургансскую, Екатериновскую, Духовницкую и др. В связи со всем вышесказанным Л.А.Перовский предложил, чтобы и впредь полиция не требовала на самарских торгах и пристанях ни от кого паспортов и «чтобы никто из них, кроме лиц, изобличенных в преступлениях, не был задерживаем полицией и не терпел со стороны полицейских чиновников каких-либо притеснений»¹⁰.

Первый самарский гражданский губернатор Волховской, человек здесь новый, представил 3 июня того же года возражения на мнение министра. Следуя букве закона, а не реалиям жизни, он утверждал, что крестьяне сами понимают необходимость паспортов и всегда их при отъезде имеют, что с временных работников полиция просто обязана и будет требовать необходимые документы, а начальству вполне по силам пресечь ее возможные злоупотребления. Упрямо встав на такую позицию, губернатор высказывал мысли, которые показались бы самарским обывателям, будь они теми услышаны, воплощением самых худших опасений. Волховской прямо заявил, что, поскольку губерния открыта недавно, то «крутых и решительных мер по введению строгого торгового порядка не употребляется» пока только «по снисхождению к давним народным привычкам». Однако, он полагает, что уже пришло «время вразумить неопытных и показать в каких видах сделано преобразование Самары...» Разговоры о подрыве здешней торговли губернатор считал со стороны торговцев скрытой угрозой, но угрозой пустой, поскольку свято верил, что места торга и направление движения товара определяются распоряжениями правительства¹¹.

Своими «благими намерениями» губернатор мостил подопечной Самаре и ее kraю дорогу если не в ад, то уж, наверняка, в сторону воплощения наяву города Глупова. Это было столь ясно, что против Волховского выступила его собственная губернская канцелярия, подавшая 24 ноября доклад на имя генерал-губернатора. В докладе прямо утверждалось, что «при многочисленном стечении народа в г. Самаре во время навигации, строгое требование паспортов и видов от крестьян..., как это предписывается законом», окажет отрицательное воздействие на торговлю. Приезжающие для торга и на заработки в Самару «не имеют обыкновения» брать паспорта, а со стороны некоторых представителей власти случаются, мягко говоря, «произвольные стеснения, отвращение которых, если не невозможно, то по крайней мере весьма затруднительно». В противовес идеям административного попечительства над торговлей, высказанным Волховским, его подчиненные здраво считали, что «устранение всякого влияния Полиции на дела торговые будет иметь самые благотворные последствия». Канцелярия посчитала необходимым указать, «что торговые пункты образуются не по одной воле Правительства, как утверждает г. Гражданский Губернатор, но и по местным обстоятельствам, более или менее благоприятствующим выгодам и развитию торговли, что Правительство в таких случаях следует лишь за сими выгодными для жителей края условиями», а потому опасения за перспективы самарской торговли вовсе не являются безосновательными. Губернская канцелярия обращалась к В.А. Первовскому, чтобы тот умерил служебное рвение

Волховского и заставил последнего оказывать прибывающим в Самару «всевозможное - во время навигации - снисхождение, и чтобы дело по степени требования законных видов и паспортов оставлено было в том же положении, как оно было до образования Самары в губернский город, внушив исполнение сего, надлежащим образом, чрез секретное предписание г. Самарскому Гражданскому Губернатору»¹².

Следуя этому совету опытных местных чиновников, сначала министр внутренних дел в отношении оренбургскому и самарскому генерал-губернатору от 4 февраля 1852 года, а затем В.А.Перовский в секретном распоряжении Волховскому от 24 февраля дали указания, фактически упразднившие паспортный контроль в Самаре. Теперь гражданский губернатор, волей или неволей, но обязан был выполнять не требования писанного закона, а негласные приказы вышестоящего начальства. 31 марта он рапортовал В.А.Перовскому, что им отдан устный приказ полицмейстеру о нетребовании паспортов с приезжающих для торговли, если те не вызывают прямых подозрений, и об обращении в сомнительных случаях за разъяснениями лично к губернатору¹³.

В свое время П.В. Алабин, не знавший лично первых лиц края начальных лет существования новой губернии, изобразил генерал-губернатора В.А.Перовского человеком, не любившим Самару, а гражданского губернатора С.Г.Волховского – оставившим добрую память «у самарских старожилов». По сведениям тех же «старожилов», неприязнь Перовского к Волховскому, якобы, затрудняла последнему управление губернией и лишила заслуженных этой деятельностью наград¹⁴. История с паспортами заставляет по-иному взглянуть на роль этих администраторов в истории города.

Можно предположить, что «старожилы» – информаторы Алабина по данному вопросу или были из кругов, далеких от хозяйственных и торговых нужд основного населения города, или людьми, просто недостаточно осведомленными о деятельности органов власти. Недоверие к служебным качествам Волховского проявляло, как мы видим, и более высокое начальство в лице министра внутренних дел, и собственные подчиненные губернатора. «Помехи», устроенные административному рвению Волховского в вопросе о беглых, несомненно, были благом для благосостояния города и губернии, а в перспективе отражали нарастающие тенденции в русском обществе, которые через десять лет приведут к окончательной отмене крепостного права.

Заложенная при основании губернии традиция пренебрежения паспортным контролем оказалась в Самаре весьма живучей и после «Великих реформ». Даже в начале XX в. в ней, в отличие от других крупных

городов и губернских центров, не имелось паспортного стола, что облегчало проживание здесь «неблагонадежных» лиц¹⁵.

Конфиденциальные признания и секретные распоряжения министра внутренних дел, администраторов разного уровня дают окончательные и положительные ответы на вопросы, направляясь ли в города и торговые села Заволжья приток беглых, имел ли он большие масштабы, поощрялся ли негласно властями, приводил ли к злоупотреблениям чиновников и, наконец, знал ли обо всем этом правительство. Конечно, далеко не каждый беспаспортный был по—настоящему беглым, но среди полутора миллиона человек, приходивших ежегодно без документов в Самару или следовавших через нее, таковых было явно немало.

Как это уже было сто лет назад при начале активного освоения Самарского Заволжья¹⁶, во имя казенного интереса и ради нужд хозяйственного развития края, имперские чиновники самого разного ранга смотрели сквозь пальцы на нарушения крепостнического режима. За прошедшие годы и десятилетия, правда, изменились места привлечения беглецов. Теперь это были не казачьи гарнизоны новых крепостей, не села государственных крестьян и не имения первых здешних помещиков, а хлебные пристани заволжской житницы России.

Примечания:

¹ Смирнов Ю.Н. Причины административного переустройства Заволжья в первой половине XIX века и образование Самарской губернии // Самарский земский сборник. 1997. № 1. С. 41.

² ГАУО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 456. Л. 10 и об.

³ Симбирские губернские ведомости. 1839. № 6. 10 февраля; № 9. 3 марта и др.

⁴ ГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 1. Л. 9 и об.

⁵ ГАУО. Ф. 113. Оп. 3. Д. 109. Л. 11 об.; Ф. 6. Оп. 6. Д. 12357.

⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 5733. Л. 1–7.

⁷ Самарские губернские ведомости. 1857. № 41. 12 октября; ГАУО. Ф. 88. Оп. 5. Д. 1016. Л. 1 и об.; ГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 27. Л. 16 об. –17.

⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12357.

⁹ ГАРФ. Ф. 1174. Оп. 1. Д. 142. Л. 98; Ф. 110. Оп. 2. Д. 1418. Л. 1 и об., 3, 16 и об.

¹⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12852. Л. 1–3.

¹¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12852. Л. 7 и об., 9 об. – 10.

¹² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12852. Л. 16 об. – 17, 20.

¹³ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 12852. Л. 35, 36.

¹⁴ Алябин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. Самара, 1877. С.38.

¹⁵ Самарская область (география и история, экономика и культура). Самара, 1998. С. 109–110.

¹⁶ См.: Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.